

ЗАКОН ОТ 3 МАЯ 1883 Г. И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СЕКТАНТОВ
ЗА НЕКОТОРЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© 2014

*И.А. Александров, аспирант
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)*

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные положения закона от 3 мая 1883 г., предоставившего раскольникам ряд прав в общегражданской и религиозной сфере. Также анализируется влияние данного закона на изменение норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, в частности, касавшихся особенно вредных ересей.

Ключевые слова: раскол, секта, особенно вредная ересь, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, Российская империя.

При рассмотрении вероисповедной политики Российского государства во второй половине XIX в. следует обратить внимание на закон (Высочайше ут-вержденное мнение Государственного Совета) о даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб [1] от 3 мая 1883 г., в котором нашли отражение заключения Особого временного комитета 1864 г. По указанию В.Б. Лебедева, согласие Александра III подписать данный акт («несмотря на отчаянное противодействие обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, считавшего раскольников злейшими внутренними врагами Православной церкви») было связано с очевидной необходимостью нормализации отношений с одной из наиболее экономически активных категорий населения Российской империи [2, с. 98].

«Дарование раскольникам некоторых прав гражданских» (в том числе, и последователям тех учений, которые ранее именовались особенно вредными ересями) сводилось к следующим положениям:

1) «паспорты на отлучку внутри Империи» с данного момента должны были выдаваться раскольникам всех сект (т. е. и старообрядцам, и сектантам), за исключением скопцов, на общем основании;

2) «всем вообще раскольникам» дозволялось заниматься торговлей и различными промыслами на основе соблюдения «общедействующих» по этому предмету постановлений;

3) раскольникам было дозволено вступать в иконописные цехи (с разрешения министра внутренних дел);

4) наконец, раскольникам было дозволено занимать общественные должности (в указанных законами случаях также требовалось их утверждение соответствующими органами власти). Особо оговаривалась ситуация, когда в волости, состоявшей из «православных и раскольников», в должности волостного старшины утверждался один из раскольников. В этом случае его помощник должен был быть из последователей господствовавшего вероучения.

В собственно религиозной сфере старообрядцам и сектантам было дозволено творить «общественную молитву, исполнять духовные требы» и совершать богослужение по их обрядам как в частных домах, так и в особо предназначенных для этого зданиях (с условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка). При погребении умерших раскольников дозволялось «предношение иконы сопровождаемому на кладбище покойнику» и творение на кладбище молитвы по принятым у раскольников обрядам, с пением, но без употребления церковного облачения. Однако пользование этими правами было обставлено условиями, которые могли бы «до крайности уменьшить или даже парализовать» значение приведенных установлений [3, с. 353].

Вероучения старообрядцев и сектантов по-прежнему признавались вредными для православной церкви заблуждениями, и в соответствии с этим законом предусматривался ряд дискриминационных,

несовместимых со свободой вероисповедания ограничений [4, с. 77]. Хотя уставщики, наставники и другие лица, исполнявшие «духовные требы у раскольников», не должны были подвергаться преследованию (за исключением тех случаев, когда они оказывались виновными в распространении своих учений между православными или в иных преступных деяниях), за этими лицами не признавалось духовного сана. Соответственно, по правам состояния они, в отличие от духовенства иных религиозных объединений, не пользовались никакими привилегиями [4, с. 77].

Сохранило свою силу (в несколько измененном виде) и положение о запрещении последователям раскола «публичного оказательства оного». Например, в Наставлении 1858 г. «для руководства при исполнительных действиях и совещаниях по делам, до раскола относящимся» и в других актах под публичным оказательством раскола понимались такие действия, как: «крестные ходы, пение вне молелен и такое пение внутри молелен, которое было бы слышно вне оных, торжественное совершение крещения и брака; сопровождение тел умерших на кладбища в мантиях, клобуках и иных раскольнических особенных одеяниях, с пением; ношение раскольниками монашеского одеяния; открытие вновь раскольнических молелен; поставление над молельнями новых крестов или возобновление старых и употребление в молельнях или при оных колоколов». Согласно закону 1883 г. перечень подобных действий был в некоторой степени уменьшен и излагался следующим образом: а) крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях; б) публичное ношение икон (за исключением вышеприведенного случая, касавшегося погребения умерших); в) употребление вне домов, часовен и молитвенных зданий церковного облачения или монашеского и священнослужительного одеяний, и г) раскольничье пение на улицах и площадях.

Таким образом, следует еще раз подчеркнуть, что раскольникам было предоставлено право собираться для молитвы не только в частных домах, но и в особо предназначенных для сего зданиях (часовнях, молитвенных домах и т. д.), которые не рассматривались теперь как нечто безусловно запрещенное и противоправное [5, с. 72]. Однако и в этом аспекте предусматривался ряд существенных условий, носивших ограничительный характер. Так, последователям рассматриваемых учений разрешалось исповедать и возобновлять принадлежащие им часовни и другие молитвенные здания, приходящие в ветхость, при условии, что общий наружный вид исправляемого или возобновляемого строения не был изменяем. На производство упомянутых работ следовало предварительно испрашивать каждый раз разрешение губернатора или начальника области. В случае же необходимости такой перестройки молитвенного здания, вследствие которой общий наружный его вид должен был подвергнуться изменению, требовалось уже разрешение министра внутренних дел. Также в тех местностях, где значительное (курсив наш – И.А.)

население раскольников не имело ни часовен, ни других молитвенных зданий, дозволялось, опять же с разрешения министра внутренних дел, обращать для общественного богомоления существующие строения. При этом требовалось, чтобы соответствующему строению не был придаваем внешний вид православного храма, и чтобы при нем не имелось наружных колоколов.

В дореволюционной литературе вполне обоснованно поднимался ряд вопросов, возникающих в результате ознакомления с приведенными положениями. «Неужели расширение существующего уже молитвенного здания, надстройка или пристройка к нему нового помещения, увеличение числа или размера дверей или окон, замена плоской крыши высокой или наоборот – дело настолько важное, что оно не может быть допущено без разрешения высшего представителя административной власти (речь идет об изменении внешнего вида здания и, соответственно, о разрешении министра внутренних дел – И.А.)? Неужели моленная, устроенная на пятьсот человек, должна оставаться неизменной и тогда, когда раскольническое население данной местности увеличилось вдвое или втрое? Неужели незначительное раскольническое население, не успевшее обзавестись моленной до издания нового закона, должно быть навсегда лишено молитвенного здания? ... Как поступить, если здание моленной пришло в окончательную ветхость, а раскольническое население желает заменить его другим, на другой улице того же города? ... Может ли быть открыто в одном и том же городе несколько раскольнических моленных одного и того же толка?» [5, с. 74]. Если следовать буквальному смыслу норм закона 1883 г., то, по крайней мере, на часть из этих вопросов следовало бы ответить отрицательно, в то время как некоторые другие вопросы остались бы без ответа.

В качестве одного из достоинств закона 1883 г. назывался тот факт, что в вышеприведенных случаях административные органы действовали бы самостоятельно без обязательного соглашения с духовным ведомством. В этом свете труднообъяснимым исключением из общего правила предстает норма, касающаяся «распечатания» молитвенных зданий раскольников (в чем отличие в данном контексте между открытием нового молитвенного здания и распечатанием уже существующего?). Эти действия допускались с особого разрешения министра внутренних дел с тем условием, чтобы такое действие производилось без всякого торжества. При этом о каждом случае такого рода министр должен был предварительно входить в сношение с обер-прокурором Синода. Распечатание раскольнических монастырей и скитов (фактически действовавших [5, с. 75] и до 1883 г.) по-прежнему не допускалось. Согласно одной из точек зрения, высказанной в том же 1883 г., можно было предположить заранее, что мнение синодального обер-прокурора «не часто будет в пользу распечатания моленной; в виду традиционной политики двух столетий, представитель духовного ведомства не может легко соглашаться на такую меру, которую издавна принято считать соблазном для правверных и поощрением отступников» [5, с. 75]. Позднее, в 1905 г. Комитет министров констатировал: «Допущение на деле указанных в правилах для раскольников льгот поставлено было в значительной мере от усмотрения министерства внутренних дел, действовавшего в сих случаях по соглашению с ведомством православного исповедания. Поэтому применение закона стало производиться на практике с крайнею, иногда излишнею, осмотрительностью... а с течением времени появились для них вновь стеснения со стороны местных начальств...». Комитет министров вынужден был, в частности, признать, что удовлетворение ходатайств раскольников об открытии молитвенных зданий вследствие отрицательной позиции местных властей,

министерства внутренних дел и Синода «имело место лишь в редких случаях» [4, с. 78, 79].

В анализируемом акте не проводилось различия между так называемыми более и менее вредными сектами, которое в значительной мере было произвольным и основанным на предубеждениях и предрассудках [3, с. 356]. Свообразным остаточным проявлением выделения особенно вредных ересей, более вредных сект и др. было установленное законом 1883 г. правило о том, что в тех вышеизложенных случаях, когда требовалось разрешение министра внутренних дел, он должен был принимать решения, сообразуясь «как с местными условиями и обстоятельствами, так равно с нравственным характером учения и другими свойствами каждой секты».

Принятие приведенных положений повлекло определенные изменения, в том числе в законодательстве, устанавливавшим ответственность за деяния старообрядцев и сектантов, которые признавались преступными. Эти изменения нашли отражение и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных (в редакции 1885 г.), часть статей которого (относящихся к отделению второму «О ересях и расколах» главы второй раздела II) была отменена либо изложена в иных формулировках. Проиллюстрируем сказанное на примере правовых норм, в той или иной степени касавшихся последователей так называемых особенно вредных ересей. Во-первых, существенную трансформацию претерпела ст. 197 Уложения, которая в первоначальном варианте предусматривала ответственность для последователей сект, именуемых духоборцами, иконоборцами, молоканами, иудействующими, скопцами, а равно и других лиц, принадлежавших к учениям, которые признавались особенно вредными ересями, за распространение своего учения и «сворачивание» в него других [6, с. 218]. В редакции Уложения 1885 г., в частности, в связи с отказом законодателя от формулировок «особенно вредная ересь», «особенно вредная секта», эта статья гласила, что лишь скопцы «за распространение своей ереси и сворачивание в оную других подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленный край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства» [7, с. 14; 8, с. 188].

При анализе этой нормы целесообразно отметить, что хотя законы Российской империи ограждали от повреждения преимущественно догматы господствовавшей церкви (соответственно, по общему правилу преследовалось распространение ересей и расколов между лицами православного вероисповедания), применительно к скопчеству законодатель не упоминал о «сворачивании именно православных». Согласно мнению, высказанному Правительствующим Сенатом, последователи этого учения преследовались и в том случае, если они не были избличены в сворачивании православных. При этом речь шла о лицах, виновных как в оскотлении других («по заблуждению фанатизма»), так и в оскотлении самих себя. Т.е. для ответственности скопцов, ранее являвшихся неправославными, было необходимо, чтобы последовало чье-либо сворачивание, одно же проповедование скопческого учения влекло наказание только в том случае, когда оно производилось среди лиц православного вероисповедания. «Смысл этих постановлений очевиден: государство не может допускать организации обществ, употребляющих, для достижения своей цели, средства, противные нравственности и общественному порядку, хотя бы такие общества и прикрывались религиозными побуждениями; в скопческой же ереси явно преобладает противонравственный элемент, а элемент религиозный представляет совершенное извращение не только православного исповедания, но и христианской веры вообще вредными учениями и действиями» [8, с. 188,

191].

Следует отметить, что были отменены статьи 198 и 199 Уложения, кото-рые, в частности, устанавливали ответственность последователей особенно вредных ересей за незаконную приписку к городскому сословию, а также «за допущение малолетних христиан производить духовные обряды по жидовской вере (имеется в виду учение секты иудействующих – И.А.), или иной какой-либо ереси» [9, с. 50].

Статьи 200 и 201 Уложения существенно не изменились. Соответственно, за распространение ереси и раскола, сопровождавшееся насилием или другими увеличивающими вину обстоятельствами, виновный присуждался к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу от двенадцати до пятнадцати лет (ст. 200); за оскпление других «по заблуждению фанатизма, хотя и без употребления насилия» – к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу от четырех до шести лет; за оскпление самого себя – к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленный край Восточной Сибири, с поручением виновного «строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства» (ст. 201).

Разъясняя специфику ответственности за самооскпление, Сенат указывал, что наказание, состоящее в ссылке в отдаленнейший край Восточной Сибири с отдачей под «строжайший надзор» местного начальства, не входило в общую лестницу наказаний. Его не следовало смешивать с наказанием, «со-стоящим в ссылке на поселение в отдаленные места Сибири, но без прямого указания на отдаленный край Восточной Сибири, и притом без установления строжайшего надзора местного гражданского начальства. Не подлежит сомнению, что этот специальный вид наказания установлен с целью устранить по возможности лиц, впадших в заблуждение, от всякой возможности влиять на других и распространять таким образом ересь, признаваемую законом особенно вредною, причем, само собою разумеется, закон не мог иметь в виду, чтобы лица, осужденные за самооскпление, имели возможность оставаться в пределах своего места жительства, какие бы смягчающие вину их обстоятельства ни представлялись в данном случае». Исходя из этого, делался вывод, что данное наказание не могло быть изменено, уменьшено судом, так как оно относилось к таким наказаниям, которые не входили в общую систему наказаний и, следовательно, не могли быть приняты за «исходную точку для уменьшения» [8, с. 191].

Указание об аналогичном наказании для скопцов было включено и в текст статьи 203 Уложения, которая была сформулирована следующим образом: «Те из раскольников, хотя и не избранные в распространении своего лжеучения, которые принадлежат к ересям, соединенным с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других, либо с противонравственными, гнусными действиями, подвергаются лишению всех прав состояния и ссылке: из Европейской России в Закавказье, из Северного Кавказа и Закавказья в Сибирь, а по Сибири в отдаленнейшие оной места, для водворения особо от других поселенцев и старожилов. Скопцы же, по лишении всех прав состояния, отправляются из всех мест в отдаленный край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства» [8, с. 194].

Комментируя положения ст. 203 о скопцах, Н.С. Таганцев высказывал мнение, в соответствии с которым не все лица, принадлежавшие к скопчеству могли быть относимы к так называемым «изуверным» сектам и преследуемы за саму принадлежность к секте (без распространения ее учения и соращения в него других лиц), а только сектанты, оскпившие себя или других. Но и по отношению к последним должна была быть применяема не статья 203, а статья 201, как специально

предусматривающая подобные случаи. Поэтому, указанный исследователь полагал что ст. 203 Уложения ни в каком случае не могла применяться к каким бы то ни было последователям скопческого учения. Вместе с тем, были известны случаи принадлежности к секте скопцов, исполнения ее обрядов и т. д. неоскопленных лиц. В этой связи указывалось, что лица, виновные в распространении скопческого учения или соращения в него других, подлежат ответственности по ст. 197 Уложения, даже если они не являлись оскпленными [8, с. 190, 194].

Также не в пользу скопцов было изменено содержание ст. 204, упоми-навшей о возможности возвращения из ссылки последователей разнообразных ересей и расколов, обратившихся в православную веру, кроме приверженцев скопчества. Таким образом, если последователь ереси или раскола (кроме скопцов), обратившийся в православную веру и, вследствие того, возвращенный из места ссылки, снова соращался в ересь или раскол, то он подвергался лишению всех прав состояния и ссылке на поселение безвозвратно в Закавказье или в отдаленнейшие места Сибири [8, с. 194].

Наконец, в соответствии с положениями закона от 3 мая 1883 г. было измене-но содержание ст. 206 Уложения, ранее запрещавшей помимо «заведения раскольнических скитов или иных сего рода обиталищ» «построение новых и починку старых каких-либо для службы и моления по раскольническим обрядам зданий, под наименованием церквей, часовень или молитвенных домов», «устройство престолов в существующих уже часовнях» и «обращение крестьянских изб в публичные молельни» [9, с. 52]. В новой редакции Уложения наказание в виде заключения в тюрьме на срок от четырех до восьми месяцев устанавливалось за: 1) исправление или возобновление приходящего в ветхость раскольнического молитвенного здания без разрешения губернатора или начальника области; 2) перестройку раскольнического молитвенного здания, изменяющую общий его наружный вид, без разрешения на такую перестройку министра внутренних дел; 3) построение нового раскольнического молитвенного здания или обращение в таковое, без разрешения министра внутренних дел, существующего строения. Построенное новое молитвенное здание, а также все, «устроенное без надлежащего разрешения или несогласное с оным», подвергалось «сломке» или исправлению на счет виновных. За устройство раскольниче-ских скитов или «иных сего рода обиталищ», виновные, как и прежде, приговаривались к заключению в тюрьме на срок от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а все ими устроенное также подвергалось «сломке», и в дальнейшем материалы продавались в пользу местного приказа общественного призрения или заменяющих его учреждений [8, с. 195].

В целом, отмечается, что в Уложении в издании 1885 г. нашло отражение стремление государственной власти «возобновить курс, направленный на прекращение бессмысленных и бесперспективных попыток» прекратить распространение раскола путем принятия законов, ограничивающих права старообрядцев и сектантов. Ранее действовавшее законодательство, носившее в отношении раскольников «ограничительно-запретительный и карающий характер», было отражением позиции органов государственной власти, рассматривавших этих лиц «как потенциальную опасность для стабильности государства, как временное зло, которое подлежит уничтожению» [2, с. 97].

Что касается оценки роли закона (мнения Государственного Совета) от 3 мая 1883 г., то можно встретить несколько точек зрения. С одной стороны, говорится о том, что большинство положений данного акта осталось на бу-маге и не оказало существенного влияния

на положение старообрядцев и сектантов [4, с. 78]. С другой стороны, несмотря на имеющиеся в нем пробелы, его называли «одним из важнейших законодательных актов начала царствования» Александра III, который имел «принципиальное значение для будущего» [2, с. 98]. Не следует забывать, что проект реформы в сфере законодательства по расколу был составлен еще в 1864 г., но для его осуществления потребовалось около двадцати лет. «Колебания и противоречия, так долго задерживавшие ход преобразования, отразились и на содержании обоих законов (имеются в виду законы от 19 апреля 1874 г. и от 3 мая 1883 г. – И.А.), изменивших юридический и церковный быт раскольников. Нельзя сказать, чтобы на место одного принципа прямо и решительно был поставлен другой, противоположный... Покровительство закона дано раскольникам не как право, а как милость, о которой они должны каждый раз просить, без всякой гарантии в том, что ходатайство их будет уважено» [5, с. 77]. Таким образом, целесообразно соглашаясь с тем, что нетерпимость по отношению к старообрядцам и сектантам постепенно была заменена условной, ограниченной терпимостью, пределы которой были неопределенными и изменчивыми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи.

Собрание третье. Т. III. СПб., 1886. № 1545.

2. Лебедев В.Б. Религиозные преступления в законодательстве Российской империи в XVIII – начале XX вв.: монография. Псков: Псков. юрид. ин-т ФСИН России, 2007. 154 с.

3. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. Т. 102. СПб., 1883.

4. Клочков В.В. Закон и религия: (От государственной религии в России к свободе совести в СССР). М.: Политиздат, 1982. 160 с.

5. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость: Сборник статей. СПб.: Библиотека Общественной пользы, 1905. 294 с.

6. Российское законодательство X – XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. 432 с.

7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях мировыми судьями налагаемых. М., 1872. 113 с.

8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н.С. Таганцевым. 7-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1892. 796 с.

9. Свод законов уголовных. Книга первая. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1866 года. СПб., 1866.

THE LAW OF 3 MAY 1883 AND THE TRANSFORMATION OF THE SECTARIANS' RESPONSIBILITY FOR SOME RELIGIOUS CRIMES

© 2014

I.A. Alexandrov, post-graduate student
Togliatti state University, Togliatti (Russia)

Annotation: In this article principal statements of the law of 3 May 1883, allowed the schismatics a number of rights in civil and religious spheres, are considered. Also the influence of this law on the change of the rules of the Code of criminal and correctional punishments, in particular, concerned particularly harmful heresies, are analyzed.

Keywords: schism, sect, particularly harmful heresy, Code of criminal and correctional punishments, Russian Empire.

УДК 343.81

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ)

© 2014

А.Н. Антипов, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России», Москва (Россия)

Аннотация: Рассматриваются основные проблемы, связанные с оценкой функционирования сложноорганизованной системы. Определяются требования, предъявляемые к показателям и критериям оценки их деятельности.

Ключевые слова: критерии, показатели, оценка деятельности, мониторинг.

Выработка объективных и актуальных критериев оценки деятельности того или иного министерства, ведомства, службы является основной задачей, качественное решение которой способствует их эффективному функционированию и развитию [1, с. 143-147; 2, с. 14-16], в значительной степени влияет на поддержание безопасности на соответствующем уровне.

Понимание того, что любое министерство, ведомство, служба представляет собой некую сложноорганизованную систему, синергетический комплекс, обладающий не только общими, но и специфическими характеристиками, только ей свойственными особенностями, позволяет в разных вариантах структурировать её в зависимости от намеченных целей и соответственно решаемых для их достижения задач. Для обеспечения данных процессов совершенствуется нормативно-правовое обеспечение, для кардинального изменения проводятся реформы.

Основой гарантии сбалансированного, стабильного и поступательного функционирования каждой отдельно взятой системы (министерства, ведомства, службы) служит понимание происходящих внутри

неё процессов, их влияние друг на друга, умение настраивать систему на решение поставленных задач, определять сложившиеся и формирующиеся тенденции в целях определения приоритетов, для дальнейшего воздействия на них. Необходимо понимать, что основная «проблема в управленческой деятельности - это главное противоречие цели и ситуации (условий существования и развития системы), разрешение которого определит изменение ситуации в направлении принятой цели» [3, с. 87]. Из сказанного вполне логично следует, что анализ складывающейся ситуации возможен лишь на основе постоянного мониторинга процессов происходящих в исследуемой среде.

Организация мониторинга подразумевает наличие критериев и показателей, основываясь на которые можно осуществлять анализ и принимать адекватные управленческие решения, прогнозировать дальнейшие направления развития.

В качестве примера вполне уместно рассмотреть уголовно-исполнительную систему России. В Рекомендациях Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам